

Странные и прекрасные вещи происходят с каждым из нас ежедневно. Маленькие истории и значительные события влияют на нашу жизнь, наш характер, нашу судьбу. Ирландский философ, эстет, писатель, поэт Оскар Уайльд однажды сказал, что «...жизнь не делится на мелочи и важные вещи. В жизни все одинаково важно...». Рассказывая истории из своей жизни, мы делимся друг с другом своими воспоминаниями. Они бывают смешными и забавными, грустными и тяжелыми, но все равно остаются для нас важными. Газета «Вести» продолжает публикацию интересных историй из жизни простых людей нашей страны под общей рубрикой «Однажды...».

Однажды у костра

В детстве моя семья жила в деревне. Конечно, у нас был свой огород, но мы все равно бегали на колхозные поля, чтобы утащить все то, что росло у каждого из нас. Почему-то колхозное было вкуснее. Я была младшая в семье, поэтому болталась с мальчишками на улице до глубокого вечера. Родители все время работали, я их почти не помню молодыми, так что мы были предоставлены сами себе. Большая компания мальчишек во главе с моим старшим братом таскала зеленый горох, морковь, картошку. Нам казалось, посадки и земли такими огромными, что наше мелкое хулиганство останется незамеченным. Это было весело и очень вкусно. Но после очередного собрания коллектива колхоза руководитель объявил, что будет строго наказывать воришек. В деревню приехал новый агроном, который принял решение лично проверять сохранность посадок и урожая колхоза. Детей предупредили, что агроном суровый человек, скорый на расправу, но мы не особо приняли эту информацию к сведению. И только когда услышали выстрелы в полях, приняли решение не рисковать. Наверняка агроном стрелял в воздух, но уточнять так это или нет наша компания не стала. Мальчишки все время придумывали новые и новые забавы. Однажды они чуть не убились на мотоцикле, в лесу курили кору дуба, купались в каком-то карьере, играя в ножички, раскроили ногу брату. Перевязывая раны, выстирывая грязную одежду, штопая футболки, мама все время плакала.

В один «прекрасный» день мальчишки стащили порох из воинской части, которая была неподалеку от нашей деревни. Я не помню всех обстоятельств: кто и как это сделал, но очень хорошо помню серый хлопчатобумажный мешок, в котором лежал трубчатый и

семидырчатый порох. Из названия было понятно, что выглядит порох как полые палочки и бочонки с семью дырками. Где и как мальчишки нашли порох, не обсуждалось, но вот как его использовать – была животрепещущая тема. К общему мнению в тот вечер мальчишки не пришли, приняли решение перенести обсуждение на следующий день. Оставался вопрос, где хранить порох целую ночь? На улице оставлять было опасно, вдруг умыкнут ребята из другой компании, а в дом нести страшно – родители найдут. После долгой перепалки старший брат решил отнести порох к себе в комнату и спрятать под кровать. Я гордилось его храбростью. Когда мы пришли домой, увидели, что мама затеяла стирку и уборку. Мы не любили эти дни. В коридор ставилась круглая машинка, она наполнялась водой, которая от цветного белья быстро становилась темной. Этот агрегат издавал такой шум, что, находясь рядом, мы друг друга не слышали. После стирки белье попадало в ванную, полоскалось вручную и отправлялось в центрифугу «Фея», которая за свой шум должна была называться «Гроза». После отжима белье складывалось в огромный эмалированный таз и затем развешивалось на бельевых веревках во дворе дома, где мы жили. Спустя много лет я узнала, что процесс стирки, оказывается, может ограничиваться лишь нажатием кнопки стиральной машины. Но тогда в этом процессе участвовала вся семья, а большое количество воды на полу служило сигналом к началу генеральной уборки дома. И надо же такому случиться, что мы как раз успели к началу этого трудового праздника. В связи с тем, что я была еще маленькой, мне поручали самую легкую домашнюю работу. Я быстро вымыла свою комнату, и мы решили спрятать на время порох под моей кроватью. Качество уборки мама проверять не стала, поэтому о нашей находке никто не узнал.

Утром мы пошли гулять, прихватив с собой заветный мешок. К нам присоединились друзья брата. Мальчишки снова стали спорить, как поджечь порох: весь сразу или растянуть удовольствие. Потом все пацаны отправились в лесок. Там мы развели костер. Брат бросил одну тубу пороха в огонь. Все услышали громкий хлопок и почувствовали специфический запах. Пламя взлетело вверх на два метра. Нам показалось, что огонь стал синим. Все ахнули. Мальчишки наперебой хватали из серого мешка заветный порох и бросали его в огонь. Хлопки, клубы дыма, резкий запах – все приводило их в восторг. От шума и резкого запаха мне вдруг стало очень страшно. Я попросила брата увести меня домой, но он сказал, что все будет в порядке, у него все под контролем. Кто-то очередной раз бросил порох, но грохота не последовало. Потом подбросили еще и еще – опять тихо. Ребята предположили, что порох отсырел и надо пошевелить его в костре. Брат схватил палку, приблизился к огню, и вдруг раздался грохот такой силы, что мы отлетели от костра. Брат стал кричать, мы все перепугались. Он закрыл руками лицо, но правая рука его была в крови. Большинство мальчишек разбежались кто куда. Рядом остался лишь один его друг и я. Мы просили сказать, что случилось. Когда братик убрал руки от лица, мы увидели, что оно было сильно обожжено, сгорели ресницы и брови, кожа была пунцового цвета. Но самым страшным было, что у него оторвало первую фалангу безымянного пальца на правой руке. Костер, конечно, никто тушить не стал, мы втроем кинулись в медицинский пункт.

Наш пожилой фельдшер Иван Иосифович всегда находился на своем рабочем месте. Как водится в таких деревнях как у нас, фельдшер мог делать все что угодно: и роды принять, и зуб вырвать, и палец зашить. Он сказал, чтобы мы шли за родителями, а сам принялся убирать следы порохового развлечения на лице и руке моего брата.

Я прибежала домой, когда мама хлопотала на кухне. Она испугалась, увидев мой заплаканный вид. «Что опять случилось?» – тихо спросила мамочка. «Беда!», – выпалила я. Мы собрались и побежали к фельдшеру. На кушетке сидел брат с намазанным каким-то жиром лицом, рука была перевязана. От увиденной картины, мама расплакалась. Со словами «деточка, горе мое, когда ты уже вырастишь?» – она подошла и крепко обняла своего сорванца. Иван Иосифович объяснил, что от огня обгорело лицо, но зрение сохранено. Когда брат полез в огонь, у него на руке оставался порох, поэтому палец лишился небольшой части, но остальные суставы пальца были не повреждены. Его слова «до свадьбы заживет» должны были успокоить маму, но она ответила: «До его свадьбы я сама не доживу», и еще сильнее расплакалась.

Вечером дома нас ожидал допрос с пристрастием. Откуда взялся порох, где хранился, кто был еще в компании? Брат молчал. Тогда родители взялись за меня. Пришлось расколоться по всем вопросам. Мама плакала, отец ругался. Мы были наказаны, до конца месяца нас посадили под домашний арест. Брата за то, что подвергал себя и меня опасности, меня за то, что знала и промолчала. Брату, конечно, досталось больше. Когда семейная буря утихла, отец сказал важные слова, что без нас им незачем жить. Мне было стыдно и больно за наше безрассудство.

С тех пор прошло много лет, обгоревшие ресницы и брови у брата выросли давно. Лишь изуродованный палец напоминает о том случае возле костра. Правду говорят, что мужчины – это случайно выжившие мальчики. Нам повезло, наш мальчик все-таки вырос.

Однажды на улице

Меня мама воспитала одна. Она рассказала мне, что когда-то с отцом попала в автомобильную аварию. Отец погиб, а у мамы остались рубцы на теле от заживших ран. С самого детства я помню эти страшные следы катастрофы на ее спине и животе. Я остался единственным мужчиной и, следовательно, защитником в семье. Старался хорошо учиться, активно занимался спортом, бесплатно получил высшее образование. После армии нашел достойную работу. Мама была очень интересной женщиной, но почему-то не стремилась найти себе пару. Когда я начинал разговоры про ее личную жизнь, она только отшучивалась.

Однажды я вернулся с работы и увидел, что у мамы красные от слез глаза. Она была подавлена и очень расстроена. Это продолжалось несколько дней подряд. Попытки выяснить, в чем дело ни к чему не привели. Тогда я на обеденном перерыве сбежал к ней на работу, поговорил с коллегами, подружками, но они ничего знали. Смотреть на страдания моего единственного близкого человека было невыносимо, поэтому я снова пришел к маме с расспросами. Она долго отнекивалась, но, в конце концов, согласилась рассказать о причине своих слез. Начало рассказа повергло меня в шок. Оказалось, мой отец жив и здоров. В прежние времена, до моего рождения, он избивал мою маму. Старые раны на ее теле были результатом его издевательств, и автомобильная авария здесь ни при чем. Даже узнав, что она беременна мной, он не успокоился. В тот день, когда она сбежала, он бил ее беспощадно, жестоко, по лицу и животу. Увидев, что он вышел покурить, мама, залитая кровью, смогла добраться до соседей, и те вызвали скорую помощь вместе с милицией. Перед соседями ей было очень стыдно, но они знали про мамину беду, сочувствовали и советовали уйти от этого изверга. После его задержания мама собрала вещи и уехала в другой город, где и родила меня. Отца отпустили, поскольку заявление никто не написал. Через двадцать три года он вдруг объявился и стал претендовать на роль мужа. Мама, естественно, отказала ему. С тех пор он преследует ее повсюду, угрожая примерно наказать. Услышав эту жуткую историю, я не мог представить, как можно было бить такую хрупкую, беззащитную девушку, которая никогда не смогла бы ответить. В моем сердце клокотала ненависть и жажда мщения. Успокоившись, я пообещал, что никогда не дам маму в обиду.

На следующий день мне довелось встретиться со своим «воскресшим» папашей. Передо мной стоял старый коренастый неухоженный мужик неприятной наружности с кривыми гнилыми зубами. Он пытался добродушно улыбаться, чем вызвал во мне еще большее отвращение. «Здравствуй сынок», – хриплым голосом сказал он. «Я тебе не сынок», – ответил я.

«Ты прости меня, со всяким бывает, ну повздорили немного».

После этих слов я вновь почувствовал прилив гнева. Кровь пульсировала в висках, хотелось разорвать мучителя моей матери на части. Он протянул мне свою мерзкую руку, и тогда я, не выдержав, схватил его за грудки. Мама, стоявшая рядом, стала плакать и просить не брать грех на душу. Я был оглушен своим гневом, но разжал руки, отпустил и предупредил его, чтобы он держался от нас подальше, если хочет дожить до старости. Мама плакала и просила не приносить в дом беду. Я пообещал, что буду держать себя в руках. С тех пор своего родителя я никогда не видел.

Прошло еще два года. Я увлекся молодой девушкой, но она почему-то сразу не понравилась маме. Может, потому, что моя избранница была слишком легкомысленна, может, недостаточно сдержана в выражениях и суждениях. Но ее непринужденность меня забавляла. Мы стали жить вместе и готовиться к свадьбе. Ее родители сразу приняли меня в свою семью. Мы были счастливы. Предсвадебная суэта была в радость. Наш долгожданный день бракосочетания прошел на достойном уровне. Только мама печально смотрела на меня, но как мудрая женщина говорила только приятные слова. Проходя мимо гардеробной комнаты, я случайно услышал разговор моей молодой жены с тещей. «Ты ему не сказала?», – спросила теща. «А зачем? Пусть все будет так, как есть, отцу ребенка я все равно не нужна, он даже на свадьбе радовался больше, чем я. Теперь этот ребенок будет от моего законного мужа», – ответила ее дочь – моя жена. Уже не помню, как зашел в гардероб. Забытый приступ гнева охватил мое сердце. Передо мной стояла только что обрученная жена, беременная от другого. Теща быстро выскользнула из комнаты, и мы остались вдвоем. Моя избранница стала громко смеяться и говорить мне гадости про то, что есть мужики и покруче меня, способные зажечь женщину. Эта дрянь опустилась до обсуждения интимных подробностей близости с бывшим кавалером, которого она пригласила на свадьбу. Чувство гадливости и омерзения вызвали у меня резкую боль, похожую на ту, когда прижигают живое сердце. Жена продолжала бросать оскорбления мне в лицо. В приступе ярости она сорвала с себя фату и стала топтать ее ногами. Тогда я не выдержал и дал ей пощечину. Мне хотелось задушить эту вульгарную дрянь. Совладать с собой мне удалось лишь большим усилием. Страшная мысль внезапно кольнула меня: «Неужели я похож на своего отца? Нет, не может быть!» Резко повернувшись, я пошел на выход. Вслед мне полетела очередная порция оскорблений: «Ты не мужик, ты даже как следует ударить меня не можешь!»

Мама поняла все без слов по моему бледному лицу и чересчур взволнованному виду. Ничего не объяснив гостям, мы ушли. Лишь по дороге домой она спросила:

– Ты все узнал?

– Да, все узнал, – как стон я выдавил из себя.

– Сыночек, родной мой, ты не избил ее?

– Нет, не избил.

– Слава Богу! Не держи на нее зла. Иначе ожесточишь свое сердце.

На следующий день прибежали родственники. Просили прощения, уговаривали вернуться. Теща причитала, что нужно было ее дочь поколотить и заставить сделать аборт: «Ну, повздорили немного, гульнула до свадьбы. С кем не бывает?» – постоянно вопрошала она.

Развестись получилось лишь через три месяца. Полученные душевные раны заживали долго. Одно меня утешало: я не уподобился своему отцу...

Ариша ЗИМА